

Вырезка из газеты

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

от 22 МАР 40

Харьков, Укр. ССР

Газета №

Б. ГОЛЬДШТЕЙН

(СИМФОНИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ; дирижер — А. КЛИМОВ).

Программа очередного симфонического концерта посвящена творчеству величайшего русского композитора П. И. Чайковского.

Вторая сюита, несмотря на ряд бесспорных достоинств, принадлежит к числу незаслуженно редко исполняемых сочинений Чайковского. В ней, правда, меньше инструментального мастерства, чем во многих других произведениях композитора, но отдельные части сюиты («Юмористическое скерцо», «Сны ребенка»), отличаясь изяществом формы и ритмической изобретательностью, увлекают искренностью, непосредственностью музыкального изложения.

Филармония поступила правильно, включив, наряду с популярным «Итальянским каприччио», и вторую сюиту в показ творчества Чайковского. Не все в исполнении сюиты одинаково убеждает. Симфонический оркестр под управлением главного дирижера А. И. Климова играл достаточно законченно, но в отдельных частях сюиты не хватало необходимой экспрессии и тонкой проработки художественных деталей. Чрезвычайно сложное «скерцо» не доведено оркестром до технического и музыкального совершенства и сыграно несколько вяло. Наиболее удачно прозвучали «Сны ребенка» и «Дикая пляска», в которых дирижер нашел необходимый контакт с артистами оркестра. С подъемом и красочно исполнил оркестр замечательное «Итальянское каприччио». Однако хотелось бы, чтобы оркестр отшелся в местах наибольшего напряжения от излишней «крикливости» и преувеличенных звучаний, что придаст общему тону исполнения больше благородства и художественной цельности.

В концерте принял участие скрипач-орденоносец Б. Гольдштейн, исполнивший в сопровождении оркестра бессмертный концерт Чайковского. Б. Гольдштейн давно известен в Союзе, как

один из наиболее даровитых и обещающих юных музыкантов. Его исключительные технические возможности, необычайная легкость, изящество, чистота исполнения—все это бесспорно. Но является ли это достаточным для того, чтобы стать подлинным художником?

Тех, кто ждал от артиста одухотворенного, проникновенного исполнения концерта Чайковского, — постигло известное разочарование. Избегая излишних эффектов, скрипач впадает в другую крайность — он холодно, рассудочно «излагает» текст музыки Чайковского, почти не вкладывая в игру своего «я», не включаясь в замечательное содержание этой музыки.

Б. Гольдштейн играет концерт формально безупречно. Но где же музыкальные контрасты, где необходимый творческий подъем, почему каждая музыкальная фраза не «дышит» полной грудью, а все «слова» произносятся вполголоса, к тому же так однообразно и сдержанно?

Кому много дано, с того много и спрашивается — это старая и вечно новая истина. Гольдштейн, работая над техническим усовершенствованием своей игры, перестал, по-нашему, увлекаться своим исполнением, поэтому публика, слушающая его игру, поражаясь безграничной свободе его правой руки, отмечая отдельные достоинства красивого звука скрипача, все же остается такой же безучастной, как и сам исполнитель...

В своем самостоятельном концерте (20 марта, зал Филармонии) Б. Гольдштейн, законченно исполнив внешне-виртуозные произведения Венявского, Паганини, лишней раз подтвердил известную односторонность своего творческого миросозерцания, стремление к техническому мастерству в ущерб раскрытию образа музыкального произведения.

М. ЗОРОХОВИЧ